

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Главы из романа «Первая женщина». Главы третья и пятая

Глава третья

Воскресенье

Георгий проснулся.

Было темно и тихо.

Прислушался к своему состоянию: боль в груди прошла, дыхание свободное — «Права была врачаха»

Снова этот странный сон.

Каждый раз он повторялся, словно прокручивали плёнку.

Странный сон Георгия Он едет в поезде, в плацкартном вагоне. Близится ночь. Уже приготовлена постель; он сидит, перед ним сумка с книгами. Он открывает сумку, все книги на месте; закрывает и ставит под лежак. Подходит кондуктор, и Георгий просит разбудить его. Ночью ему выходить.

Вот кондуктор будит его. Он садится, достаёт сумку, открывает и смотрит; все книги на месте, но одной не хватает. Мучительно пытается вспомнить, какой книги не хватает.

Он всегда просыпался на этом месте, лежал и думал: какой книги не хватает? Георгий встал и, выйдя в коридор, пошёл в туалет.

Из комнаты Артёма доносились голоса, и играла музыка.

Дискотека закончилась, пирушка продолжалась, а вместо Георгия — Славка.

Окно открыто, играет магнитофон.

Искандер сидит рядом с Ленкой, на её плечи наброшен пиджак, и что-то, вполголоса ей рассказывает.

Славка с Артёмом курят и слушают песню:

Ах, белый теплоход, гудка тревожный бас

Крик чаек за кормой, сиянье синих глаз

Славка усмехается, что-то вспомнив, и говорит Артёму — Включи, где Федя плачет!

Артём и Ленка улыбаются, а Искандер, тоже улыбнувшись, но, не поняв смысла сказанного, вопросительно обводит всех взглядом.

— Расскажи ему! — говорит Артём и, погасив окурок, останавливает воспроизведение и переворачивает кассету. Перематывая, и включая воспроизведение, ищет песню

...

Где Федя плачет

После армии проявилась главная черта Славкиного характера: он легко и быстро сходился с людьми и обзаводился друзьями.

Отслужив, вернулся в институт, в ту же бригаду, в которой работал до армии.

Восстановился на факультет, но, не на дневное, а на заочное отделение.

Дважды пытался поговорить с бывшим Юлькиным начальником (Юлька уволилась после замужества), а теперь её мужем, но Антон не захотел разговаривать.

Славка оказался однолюбом и Юльку не винил.

Вину, за несбывшуюся любовь, взвалил на свои плечи, и понёс по жизни, как крест.

Возможно, именно поэтому и проявилась та самая черта в его характере, ибо каждому, вновь обретённому другу он, подвыпив, рассказывал историю своей Любви.

В общаге, народ, отмечая праздники и дни рождения, собирался в компашки. Часть компаний, в своих составах, пересекались, другие нет. Но Славка был вхож во все и в любой ему были рады.

Проработал он в институте после армии недолго.

Проявилась ещё одна черта его характера: Славка не переносил рутины трудовой дисциплины и начальства над собой. Это вовсе не означает, что он был безответственен. Как раз наоборот, слово своё он держал.

Всё это, в совокупности, и свело его с теми людьми, которые занимались подрядными работами. А говоря языком восьмидесятых — с шабашниками. Ну, а если говорить современным языком: Славка ушёл в строительный бизнес.

Работая в одной из таких шабашек где-то в области на стройке животноводческого комплекса познакомился и подружился с Федей.

Федя был не простой шабашник: он очень серьёзно изучал все материалы из газет, журналов и литературы, относящиеся к ведению работ хозспособом и говорить на эту тему мог часами.

Невысокий, сухощавый и подвижный, начитанный и с грамотной речью, Федя, наверное, нравился бы девушкам, если бы не уродливое пятно от ожога на пол-лица и шеи.

Ему было 12 лет, когда в доме случился пожар.

Он проснулся от треска. Вскочив с дивана, увидел языки пламени, перекрывшие путь к двери. Пьяная мать спала на полу. Младшие, братишка и сестрёнка, на диване. Он схватил табурет и выбил стекло в окне. Подхватил, и через створку рамы просунул на улицу сестру и брата. Была зима и под окном намело сугроб. Он уже наглотался дыма и, встав на колени, стал расталкивать мать. Она мычала, но не просыпалась. Тогда он потащил её за руку к окну.

Мать очнулась, когда языки пламени лизали её пятки. Вскочив, заметалась по комнате, ища детей. Услышав их плач и увидев, что они на улице, бросилась к окну и только тут, увидела Федю. Она подняла его и, вместе с ним, выдавив раму, вывалилась на улицу.

К дому уже бежали соседи.

Он выжил и с возрастом даже рассосались рубцы между здоровой кожей лица и шеи, и обгоревшей. Но наростающая кожа уже не обладала, ни цветом, ни эластичностью здоровой.

Он много читал и, в очередной раз, придя в библиотеку, увидел за конторкой незнакомую девушку.

Сдав книги и, желая блеснуть начитанностью, спросил — А у вас нет Агаты Кристи?

В те годы романы Кристи издавались небольшими тиражами, поэтому ответ Людмилы, так звали девушку, был — А кто написал?

Возможно, она услышала «Агаты* Кристи».

Первой мыслью Феде было — «Уж не напутал ли я чего?» — и он, быстренько, отмотал плёнку назад, на несколько кадров. Нет, вопрос был задан правильно, и он ответил — Да, она, вроде как, сама пишет!

Девушка немного смутилась, повергнув Федю в отчаяние, и засмеялась.

Стрела Амура пронзила Федино сердце.

Амур потянулся за второй. Но стрелы закончились и Амур улетел.

А в Федином сердце запылал пожар любви.

Увы! Любовь не была взаимной! И виноват в этом был Амур!

— Посмотрите в отделе иностранной литературы, на букву «К». Вам помочь?

Феде так хотелось сказать — «Да!»

— Я знаю! Я сам!

Роман Кристи «Убийство в доме викария», он нашёл в сборнике иностранного детектива.

Федя стал брать книг поменьше, чтобы побыстрее прочесть и сдать в библиотеку.

Он сдавал книги, проходил в зал и, зайдя за стеллажи, смотрел на девушку через узкую полоску между рядами книг и полкой.

Он приходил в себя, когда она, не слыша ни шагов, ни шуршания страниц, спрашивала — Вы там не уснули?

* Драгоценный камень

В один из праздников; 23 ли февраля, 8 ли марта, собралась компашка друзей в комнате Артёма.

Уже было далеко за полночь.

Уже было выпито изрядно.

Уже перебрали последние общажные сплетни.

Играл магнитофон

... Don't make my heart cry.

Lady blue. Love me too.

Lady Blue. Only love can save me.

Rescuemefrom...

Кто-то легонько тронул Славку за плечо — Смотри, Федя плачет...

Славка посмотрел: Федя сидел, подперев рукой голову, в уголках глаз набухали слёзы и скатывались по щекам...

... It turns me on.

When she talks. It's really getting strong.

Now love's taking shame. And you, you can't escape

Lady blue. Lovemetoo...

В другой раз, на восьмое ли марта, на первой ли, снова собралась компашка в комнате Артёма.

Уже было далеко за полночь

Уже было выпито изрядно

Уже перебрали последние общажные сплетни

Играл магнитофон

Oh, lady lend your hand outright

And let me rest here at your side

«Have faith and trust in peace» she said

And filled my heart with life

— Артём, включи другую!

— Какую?

— Ну, ту! — Славка пытался вспомнить исполнителя и... вспомнил — Где Федя плачет!

Федя гулял с другой компашкой, и все засмеялись.

Так и пошло с тех пор — «Включи, где Федя плачет!» — хотя уже все знали и название песни, и исполнителя.

Федя, если он тоже гулял в компашке, вдруг, оказавшись в центре внимания, смущённо улыбался.

...

Артёмнажалкнопку...

... Don't make my heart cry.

Lady blue. Love me too.

Lady Blue. Only love can save me.

Rescuemefrom... ..

Георгий вернулся в комнату, разделся и, откинув покрывало, лёг.

Уже засыпая, услышал, как скрипнула дверь и Славка, запнувшись о порог и чертыхнувшись, прошёл в комнату и лёг на одну из свободных кроватей.

Георгий проснулся и, потягиваясь, достал с тумбочки часы — 8:15.

«Рановато, ещё минут 30—40» и повернулся на бок.

Но сон уже улетучился и, взяв «Обрыв», читал лёжа.

Через 12 минут, чувствуя, что сон ушёл окончательно, отложил книгу и встал.

Сходив в туалет, зашёл в умывальник.

В умывальнике был Аркадий из 201 комнаты. Ему было под сорок и в комнате он жил один. Аркадий долго и тщательно мыл с мылом кружку и ложку. Закончив, отнёс в комнату и, вернувшись, стал также тщательно и с мылом отмывать руки. На этаже все знали, что у Аркадия фобия: он мыл руки перед тем, как зайти в туалет и после. Дойдя до двери своей комнаты и открыв её, возвращался и снова мыл руки. Дверь в комнату закрывал, взявшись за ручку через полотенце. Выйдя из комнаты и закрыв дверь на ключ, заходил в умывальник и тщательно отмывал руки, а потом долго стоял и тряс руками до высыхания.

Как-то раз, Георгий, насчитал семь помывок рук за один сеанс и, не выдержав пытки, ушёл из умывальника.

В другой раз, Георгий разговаривал с Лёхой из 214. Когда Аркадий зашёл мыть руки в четвёртый раз подряд, Лёха не выдержал — Слушай, ещё раз зайдёшь, по морде дам!

Вернувшись в комнату, достал список и, усевшись на кровати, просмотрел.

Владимир — 8 лаборатория

Виталий — 6 лаборатория

Валерий — 4 лаборатория (из общаги)

Вадим — 4 лаборатория

Любовь — бухгалтерия

Татьяна — ОГТ

Алла Борисовна — 2 лаборатория.

Фото не было, фамилии были незнакомы. Сам Георгий работал в 10 лабе.

Проснулся Юрка и, пожелав доброго утра и, потянувшись, встал.

Заправил кровать, и одевшись, захватил полотенце и вышел.

Заворочался Славка — Жора, давай чай пить, в горле пересохло!

Георгий встал и, долив в чайник воды из графина, включил.

Они разливали чай, когда зашёл Артём и, поприветствовав всех, подошёл к столу.

— Ты чего, ядрёна вошь, без меня какаву пьёшь!

Славка, хлебная горячий чай, хмыкнул — Опохмелись, Артёмушко!

Через час

Юрка убежал на свидание, Артём ушёл в свою в комнату.

Георгий и Славка сидели за столом.

— Жора, я на прошлой неделе встретил Татьяну Беликову. Помнишь Витьку Беликова?

— Слав, ну ты чё?!

— Сынишке уже полтора; мама, баба, дядя говорит, а папа — нет. А папы — нет! Это я виноват!

— Слав, брось! Не виноват ты.

— Это я предложил ему подработать. Им деньги нужны были за кооператив заплатить.

...

Прошлым летом, Славка, появившись в общаге, предложил Георгию поработать месяц на крыше. Он набирал в бригаду тех, кого хорошо знал.

На заводе, на другом конце города, нужно было поменять перекрытие крыши в цехе металлолома. Набирать бригаду из своих работников, администрация не хотела: работа сдельная, сроки сжатые.

Георгий взял отпуск.

Вставали в шесть утра и в восемь уже работали на крыше. Работали весь световой день, по 12—13 часов, без выходных.

В общагу приезжали в одиннадцать, а иногда и в двенадцать часов ночи.

Первую неделю уставали и, приехав и сходяв в душ, сразу ложились спать. Но на второй неделе втянулись и, приезжая в общагу, ещё сидели в комнате до двух, до трёх часов ночи и играли в карты.

По технике безопасности, должны были работать с поясами, пристёгнутыми к тросу, протянутому над крышей цеха. Но с поясами работа шла очень медленно и, махнув рукой на безопасность, стали работать без поясов. Всё равно никто не приходил и не проверял.

В понедельник, на третьей неделе, под Валеркой проломилась бетонная плита и он, провалившись по пояс, задержался локтями. Тут же выскочил и хотел продолжить работу. Но Славка остановил его — Перекур!

Минут через пять Валерка побледнел, как простыня. До него, наконец, дошло, что было бы, провались он в цех.

В цехе были кучи металлического лома, а высота — восемь метров!

Валерка работал последний день. Через два дня должен был с женой улететь на юг.

Трясло его сильно. Поэтому решили уйти на обед, на час раньше.

После обеда договорились делать так: бетонные блоки опирались кромками на стальные балки. Чтобы не провалиться при подъёме блока (блоки поднимали вдвоём, они весили 40—60 кг), расставляли ноги так, чтобы опора была на балки.

Вместо ушедшего Валерки, Славка и предложил поработать Витьке Беликову.

Ему объяснили, как нужно становиться, чтобы в случае, если сломается плита, не провалиться в цех.

Беликов провалился на третий день.

Он и Ромка поднимали плиту и Виктор, переступив, сошёл со шва, под которым проходила стальная балка. Плита под ним сложилась пополам и он, вместе с плитой, которую держал руками (руки, были вытянуты вниз, вдоль тела, если бы локти были разведены, он, как и Валерка, задержался бы), ушёл вниз.

Георгий стоял рядом, с тележкой, и видел, как уходил Виктор: Беликов носил очки и глаза за линзами были закрыты, а лицо было плоское и, как показалось Георгию, уже безжизненное.

Ромка, завопив — Витька провалился! — побежал к краю крыши, где была лестница на землю.

Георгий, оставив тележку, бежал следом. Остальные замерли на своих местах, ещё не осознав, что произошло. Он успел заметить, как изменился в лице Славка, а потом, обхватив голову руками и приседая, застонал.

Подбежав к лестнице и, развернувшись, Георгий стал спускаться. К лестнице уже бежали остальные. Позади всех шёл Славка, пошатываясь, словно пьяный.

Они забежали в цех и, ориентируясь по дыре в крыше, подошли к тому месту, куда должен был упасть Беликов.

На полу лежали обломки плиты, Витьки не было!

Мелькнуло — «Обошлось!» — но Ромка, подняв голову от пола, сказал — Он там!

На высоте двух метров была огороженная металлическая площадка.

«Для крановщицы» — подумал Георгий и они, поднявшись по лесенке, увидели его.

Он лежал ничком.

Присев, они увидели, как медленно, словно угасая, пульсирует жилка на виске; в лице была мертвенная бледность, дыхание не наблюдалось, глаза закрыты, очков не было.

На площадку уже поднимались остальные, а Ромка, спустившись, бежал к Славке.

— Где телефон! Надо вызвать скорую! Он ещё живой!

Славка опомнился — Я сам! — и побежал.

Через 15 минут приехала скорая.

Врач поднялась и, нащупав пульс, позвала санитаров с носилками.

В этот день не работали!

Славка всех отпустил.

Вдвоём с Георгием они поехали в больницу.

В коридор хирургического отделения вышел врач, мужчина лет сорока

— Черепно-мозговая открытая травма. Состояние очень тяжёлое. Больше ничего не могу сказать — и отвернулся.

— Может быть кровь нужна для переливания? — спросил Славка.

— Переливание пока не нужно. Но кровь можете сдать.

Вышли на улицу.

Славка курил, нервно похаживая из стороны в сторону.

Остановился

— Жор, надо съездить, сказать Татьяне. Я не смогу...

Они доехали до остановки рядом с домом, в котором жил Витька.

Славка дошёл до угла. Сказал какой подъезд, этаж, квартира

— Я буду там! — махнул рукой куда-то в сторону и ушёл.

Георгий поднимался на этаж и мучительно думал, как и что говорить.

Со Славкой переговорили, и сошлись, что сказать надо о переломе руки и сотрясении.

Он позвонил, открыла Татьяна.

Георгий видел женщину в первый раз.

Беликовы жили вместе с матерью Татьяны.

В детской кровати агукал малыш.

Путаясь и сбиваясь, рассказал так, как договорились со Славкой.

Женщина была напугана, но держалась нормально.

Они вышли и, дойдя до остановки, поймали такси.

...

Вышел хирург и, уточнил — Вы, жена? Пойдёмте!

Они вышли через пять минут.

Точнее было сказать, что вышел врач. Татьяна лишь переставляла ноги. Он довёл её до лавочки, и посадив, и прислонив к стене, спросил у Георгия

— Вы, что ей сказали?

Георгий ответил.

Хирург поморщился

— В таких случаях нужно говорить по максимуму. Она ехала с надеждой, а я сказал, что муж в таком состоянии, что может умереть в любую минуту. Она и отключилась! Вот! — он сунул Георгию в руку ватку — Если отключится, поводите под носом.

Хирург ушёл.

Георгий взглянул на Татьяну: она сидела в той позе, в какой её оставил врач. Голова повернута набок, глаза открыты куда-то в пустоту, тело подёргивается судорогами, дышит прерывисто с хрипами.

Минут десять он ждал, надеясь, что женщина придёт в себя.

Ничего не менялось.

Георгий подошёл, и наклонившись, и обхватив её за талию, поднял с лавки.

Ему казалось, что до остановки они не дойдут!

Она лишь переставляла ноги, и через каждые пять, шесть шагов они подкашивались, и женщина заваливалась набок.

Пришлось очень крепко прижимать её к себе, обхватив за талию.

Впервые в жизни, Георгий, так крепко прижимал к себе тело молодой женщины и это — не возбуждало!

Не дойдя до остановки, прислонил её к дереву, а сам стал ловить такси.

Ему пришлось затаскивать её в салон и посадить себе на колени.

Женщина, откинувшись назад, полулежала на его коленях и левой руке, с запрокинутой головой. Её ягодицы мялись по ногам и бедро тёрлось об живот, и это (!) — уже возбуждало!

Он пытался отвлечься, но не смог. Возбуждённым членом, через джинсу и платье, ощущал ткань её трусиков и, мысленно, махнул рукой — «Она же ничего не чувствует!»

Так и ехали.

До дома и на этаж, тащил, так же, крепко прижав.

Сказав матери, что случилось с мужем Татьяны, Георгий ушёл.

Славки на улице не было видно, и Георгий пошёл на остановку.

...

Приехал в общагу, поднялся на второй этаж.

Славка сидел за столом. Перед ним стояла бутылка водки, два стакана и открытая баночка кильки. На тарелке хлеб.

Он вскочил и подошёл к Георгию, заглядывая в глаза.

— Я видел, как ты с нею шёл. Пойдём, надо выпить!

Георгий замотал головой.

— Жора, надо выпить! Снять напряжение!

— Наливай!

Георгий сел.

Славка наполнил стаканы до краёв, и они выпили.

Занюхав хлебом, сидели и ждали.

— Как вода?! — удивился Славка

Георгию тоже показалось, что выпил стакан воды.

— Мож правда вода!

Славка взял бутылку и, встряхнув остатки, понюхал.

— Да нет, водка! — и разлил остатки по стаканам

Выпили.

Минут через пять тело обмякло, как будто выдернули стальной стержень и мысли вырвались из круга, в котором метались, возвращаясь к одному и тому же.

— Пошли в буфет!

Пообедали и вернулись в комнату.

— Пойду звонить мужикам! Чтоб приехали завтра кровь сдавать!

Славка ушёл.

Георгий сел на кровать и взял «Крошку Доррит».

Попробовал читать.

Через несколько минут понял, что просто сидит и смотрит в текст. Попытался вспомнить, что прочёл и не смог.

Отложил книгу и лёг.

На следующий день приехали в больницу в начале десятого.

Вышел врач — Он умер... ночью. А кровь, сдайте, раз приехали.

...

В дверь постучали.

— Да!

Вошёл Толик, нагнув голову, чтобы не стукнуться о перекладину.

— Славик, вот ты где!

Толик был трезв и вёл себя прилично.

— Я не буду проходить, не хочу разуваться.

Славка встал, подошёл и поздоровался.

— Чего хотел, Толик?

— Слав, говорят, у тебя есть кассета с записями Queen. Дашь послушать?

— Толик, не моя кассета и она у дядьки на квартире.

— Слав, ну принеси, на два дня, и я верну.

— Давай во вторник. Я буду здесь в общаге, найдёшь меня.

— Ну лады! По рукам!

Толик ушёл.

...

Толик

Толик был развязно-нагло-хулиганистым парнем, ростом под два метра, матершинник, забияка и драчун. В институте работал электриком. Толян пил и к двадцати пяти годам был алкоголиком. Когда напивался, становился буйным и мог разодрататься с друзьями собутыльниками, которым, минуту назад, бия себя в грудь, клялся — Уважжаю!

Сразу после драки, мог, расчувствовавшись, пасть на колени и, заливаясь слезами, просить прощения.

Как-то и Георгий, оказался свидетелем подобной сцены.

Субботним днём сидели со Славкой, в комнате Георгия, пили чай. Распахнулась дверь и в комнату ввалился пьяный Толян. С красным лицом и злыми, бегающими глазами, весь на взводе.

Сходу к Славке — Ты обещал привезти кассету?

Славка встал — Толик, успокойся. Я забыл, привезу завтра.

Но Толик уже ничего не слышит и, забывчив глаза, бьёт Славку.

Георгий вскочил.

Славка, подставляя другую щёку и, глядя прямо в глаза Толяну, говорит — Бей!

Секундное замешательство! А в следующее мгновение, Толян падает на колени и со слезами, давясь рыданием, умоляет — Славка, прости...

За пьяные дебоши его несколько раз хотели уволить, но начальником лаборатории был отец, человек непьющий и уважаемый в коллективе. И всё ограничивалось очередным выговором, с занесением в личное дело. Проспавшись, клялся и божился перед отцом, что это в последний раз. На работе просил у всех прощения и ходил тише воды ниже травы... до следующей попойки.

Как-то, повздорив со случайным собутыльником, ударил его. Тот был с друзьями, завязалась драка, и Толика порезали.

Он умер от потери крови, под столбом, на трамвайной остановке.

...

— Жор, я пойду. Я дядьке обещал, что заеду сегодня к нему.

— Давай!

Славка ушёл.

Георгий стал собирать рюкзак.

До сбора в фойе оставалось два часа.

Через два часа он спустился в фойе с рюкзаком на плече.

Шестеро стояли кружком и разговаривали.

Отдельно от них, у зеркала, стояла женщина.

— А вот и начальник!

Это Вова. Невысокий, в телогрейке, шустрый и небритый.

Георгий узнал Вадима. В прошлом году работали в бригаде разнорабочих на строительстве нового корпуса.

Вадим, поблескивая линзами очков, протянул руку — Мне говорят Жора, Жора! А это оказывается ты, Жорик.

Он похлопал Георгия по плечу.

— Любовь! — улыбаясь и бесцеремонно оглядывая через очки Георгия, протянула руку одна из девушек.

— Таня — скромно представилась вторая.

— Виталий.

Виталий высокий, крепкого телосложения.

Валера, улыбаясь, помахал рукой — Мы, как бы, знакомы!

Георгий сразу вспомнил, что часто встречал Валеру в буфете.

Стоявшая у зеркала женщина, молча улыбаясь, смотрела на Георгия.

— А вы, Алла Борисовна...

— Можно, Алла.

— «Показалось, или я её где-то видел?»

Что он мог видеть её в институте — не в счёт. Ворошить память, пытаюсь вытащить уже подзабытое, было не время.

— В туалет никто не хочет?

Татьяна, краснея, подняла руку.

— На втором этаже, направо по коридору до конца.

...

На Главном были в восемь вечера.

Купили в кассе билеты и, выйдя на улицу, прошли по переходному мосту и спустились на 7Б путь.

Электричка уже стояла.

Полупустой вагон.

Вова и Виталий сидели вдвоём. Георгий один, а остальные вместе.

Валера достал карты и уже тасовал, предложив в «дурака».

Алла Борисовна встала и перешла к Георгию, сев, напротив.

Объявили отправление; зашипели, закрываясь, двери.

— Не могу ездить спиной! — и она села рядом.

— «Где я мог её видеть?»

— Вспомнил? — с улыбкой спросила Алла.

— Да ладно! Не буду мучить. Позапрошлым летом я ехала в 15 автобусе. Народу набилось, как селёдки в бочке! Я стояла на задней площадке у окна. На мне было лёгкое летнее платьице...

У Георгия заколотилось сердце, запылали щёки.

...

Он ехал в 15 автобусе на противоположный берег.

Народу набилось, как селёдки в бочке!

Он стоял на задней площадке у окна, упираясь руками в поручни. Когда автобус дёргался, притормаживая, его прижимало к ней.

Она была в лёгком летнем платьице, и он чувствовал резинку её трусиков, впившуюся в ягодицы. Георгий попытался отодвинуться, отжаться руками, а она, вдруг, двинула попой назад. Член твердел, выпираясь из ширинки. Автобус дернулся, и Георгия прижало к ней. А она, словно желая прижаться ещё сильнее, стала двигать попой из стороны в сторону и назад. А потом, оглянулась!

Он ожидал, она скажет что-нибудь оскорбительное, что глаза будут сверкать негодованием, что...

Она улыбалась!

...

Она улыбалась

— Вспомнил!?

— Я бы не запомнила, но ты... у тебя был такой вид... ты был напуган, словно напроказивший мальчишка. И мне показалось, что ты вышел не на своей остановке.

— «Она это запомнила?»

Он действительно вышел раньше и шёл пешком целых две остановки.

— Я вечером долго не могла заснуть; всё вспоминала твои испуганные глаза.

Она перестала улыбаться

— Ночью у меня была истерика... я думала, что до утра не доживу... и виноват был ты... если бы ты попался мне на следующий день... я бы тебя, наверное, растерзала!

Она замолчала.

Георгий тоже молчал, совершенно сбитый с толку.

— А потом ты стал мне сниться!

Она снова улыбалась, но по-другому: глаза потемнели, носик заострился, а верхняя губа подрагивала, как у хищника.

— Бесстыдник, что ты со мной вытворял во сне! Я просыпалась, вся мокрая!

В вагоне было прохладно, а Георгию казалось, что он сидит в парилке.

— Прохладно — она сдвинулась к нему и прижалась.

Он заметил, что на них поглядывают: и Вова с Виталием, и Люба с Таней.

Георгий смотрел в окно; там отражался вагон и проплывали огни деревеньки. И сознание путалось, пытаясь отделить реальное от миража.

Алла дремала, приклонив свою красивую головку к его плечу.

Глава четвёртая. День первый (понедельник)

— Начальник, мы на вокзале будем жить? — у Любы от возмущения округлились глаза.

— А поехали назад! — хохотнул Вова.

Прошло полтора часа, а за ними никто не приходил.

Выйдя из электрички подождали на перроне, а потом зашли в вокзал.

Вокзал был пуст.

Тускло светила лампа, засиженная мухами.

Побросав рюкзаки на пол, разбрелись по залу и каждый выбрал себе место.

Зашёл молоденький милиционер.

Постоял и, не заметив ничего подозрительного, вышел.

Виталий сидел отдельно от всех, прикрыв глаза.

С утра, в пятницу, его вызвали в отдел кадров.

Выйдя за проходную и зайдя в административный корпус, подошёл к окну отдела кадров.

Девушка посмотрела на него...

— Лаптев

Она глянула список под стеклом — Четвёртый!

На двери четвёртого кабинета табличка — «Первый отдел».

Он постучал

— Заходите!

Виталий зашёл — Здравствуйте

Высокий, подтянутый мужчина стоял у окна.

Обернувшись, и кивнув Виталию, ответил — Здравствуй!

За тонированными линзами очков не видно глаз.

— Ты уже знаешь, что едешь в Новомихайловку?

— Да

Старшим едет Гавриленко Георгий, инженер из 10 лаборатории. Присмотрись к нему. Ну, и к остальным тоже.

— Ясно

— Через неделю вернёшься, зайдёшь ко мне, в понедельник, в это же время.

...

Он учился на первом курсе машиностроительного факультета МВТУ.

В начале ноября его и ещё несколько студентов с потока, вызвали в деканат.

Секретарь, проверив по списку, постучала в дверь кабинета декана.

Открыл декан — Заходите!

Когда они зашли, декан вышел из кабинета.

Невысокий, спортивного вида, мужчина, стоявший у стола, поздоровался и представился — Майор комитета государственной безопасности Томилин.

Майор предложил им внештатное сотрудничество.

— А пистолеты нам выдадут? — спросил Мишка.

Майор усмехнулся — Оружие даже я не ношу с собой. Вам предлагается внештатное сотрудничество.

— Сексотами, что ли?! — опять встрял Мишка.

— Ну, можно и так! — майор снова усмехнулся.

— Недельку подумайте! В следующий вторник, в это же время, в этом же кабинете. О нашем разговоре никому не рассказывать. До свидания.

Через неделю их снова вызвали в деканат, но на этот раз, в кабинет декана, они заходили по одному.

Мишку пригласили первым.

Он вышел через три минуты и ушёл, ничего не сказав. Вид у него был взъерошенный.

Последним зашёл Виталий.

Майор сидел за столом

— Здравствуй! Присаживайся!

Виталий подошёл к столу, отодвинул стул и сел.

— Подумал?

— Да! Я согласен!

Майор достал из папки два листочка — Инструкция и расписка. Прочти и распишись.

В инструкции были номера телефонов, по которым он должен был звонить, если информацию нужно было передать срочно. Были указаны адреса почтовых отделений и номера ящиков для корреспонденции.

Убрав расписку в папку, майор описал задание — Анекдоты о руководителях партии и государства. Желательно посещать студенческие пирушки. Записи подробные, с указанием даты и времени. Записывать в обычную тетрадь на двенадцать листов. Когда тетрадь будет заполнена, её нужно отнести и положить в почтовый ящик по одному из адресов в инструкции. Адреса чередовать. Телефоны и адреса нужно запомнить. Когда запомнишь, инструкцию сжечь. Твой секретный номер Л5819В. Этим номером должны быть помечены обложки тетрадей с собранной информацией.

Майор встал и вышел из-за стола.

Пожимая Виталию руку, спросил — Твой секретный номер?

— Л5819В

— Хорошо. Всего доброго.

...

Алла подошла к Георгию — Я хочу в туалет, но боюсь одна. Там темно.

Георгий встал, и они вышли на улицу.

Следом выскочила Любаха — В туалет? Я тоже!

Кирпичный, обмазанный штукатуркой, окрашенной в зелёный цвет, туалет.
Две двери, с надписью над ними — «Ж» — и — «М». Неоновый фонарь на столбе.
Георгий тоже зашёл.

Два очка и лоток вдоль стены. От хлорки, обильно рассыпанной по полу, слезились глаза. Он услышал шум льющейся мочи. Звук проникал из женского отделения через яму под очками, которая была общей.

Расстегнув джинсы и став к лотку, ссал. Газы не стал сдерживать.

Звук, отразившись от стен, и усилившись эхом, получился гулким.

— «Да и ладно! Что естественно, то не безобразно!»

Потряс член, застегнул джинсы и вышел.

Через несколько секунд вышла Любаха, а следом и Алла.

Обе, улыбаясь, смотрели на Георгия, и он смутился.

— Начальник, ты в следующий раз предупреждай. Нас чуть не сдуло!

Любахины глаза озорно блестели за стёклами очков.

...

Бухнула входная дверь и в зал вошёл мужчина в телогрейке, и измазанных грязью сапогах. В левой руке зажата кепка.

— Это вы городские?

Все зашевелились.

Георгий, закинув рюкзак на плечо, подошёл к нему и поздоровался.

— Я из Новомихайловки. За вами приехал.

Снова зашёл милиционер.

— Мы здесь уже два часа загораем! — возмутилась Любаха.

— Ливень был вчера. Дорогу размыло. Хотел полевой, напрямую. И застрял! Напрямую-то короче, аж на пятнадцать километров. Думал ночевать буду. Хорошо, трактор с поля шёл. Вытащил! Да ещё километра три на прицепе. Ну идёмте!

На привокзальной площади стоял ЗИЛ-130, с надставленными бортами и скамеечкой в кузове у борта кабины.

Шёл третий час ночи и от промозглой сырости все кутались в свои одёжки.

— Двое могут сесть ко мне в кабину.

Водитель открыл правую дверь.

— А нас трое! — возмутилась Любаха.

— Трое не поместится!

— Дайте мне руку, мужики! — и Люба, цепляясь за борт и, задрав правую ногу на колесо, вытянула вверх левую руку. Её затянул Виталий.

Она села на лавку между Вадимом и Валерой.

Алла и Таня сели в кабину.

— Уселись? — водитель стоял на подножке и заглядывал в кузов.

— Да! — ответил Георгий.

— Ну, если кому по нужде, стучите по крыше!

Визгнуло сцепление, ЗИЛ дёрнулся и поехал.

Тридцать пять километров ехали почти час.

Сидели, закутавшись в свои куртки и прижимаясь друг к другу.

Деревня спала, погрузившись в осеннюю темень.

ЗИЛ остановился возле двухэтажного бревенчатого дома.

Выскочив из кабины, водитель сказал — Ну всё! Приехали! Вот гостиница, или общежитие, как хотите. Располагайтесь. Утром придёт директор.

Он уехал.

Входная дверь была открыта, и они зашли внутрь.

Помещение явно было нежилое.

Они поискали выключатель и не нашли.

Вова поднялся на второй этаж, и вернувшись, сообщил — Там три комнаты, но всё пусто. — Мне это всё больше и больше не нравится. Начальник, я здесь жить не буду! — Любаха, сбросив рюкзак, присела к стене.

За нею последовали остальные и так же, как на вокзале, разбрелись по углам, сбросив свои рюкзаки. Кто сел, а кто и лёг прямо на пол.

Георгий сел, прислонившись к стене и подложив под бок рюкзак.

Алла, пристроив голову на его коленях, уснула сразу

Он закрывал и открывал глаза. Взглядывал на часы. Но время, будто остановилось!

Когда подъехали к дому, было полчетвертого. Он взглянул на часы — «Не может быть! Прошло всего десять минут!».

Георгий закрыл глаза...

...

Кто-то ходил, скрипя половицами.

Георгий открыл глаза.

Ходил Виталий.

Сквозь запylённые окна пробивался свет.

Алла, потянувшись, открыла глаза и села.

Зашевелились остальные, и только Вова спал, подложив под голову рюкзак.

...

Директор пришёл в 8: 30.

Поздоровался и спросил — Кто старший?

Пожимая руку Георгию, представился — Валерий Тимофеевич. По всем вопросам обращаться лично ко мне. На втором этаже есть кровати, но их нужно собрать. Вас восемь и ещё должны приехать четыре водителя. Там двенадцать кроватей. Постельное бельё сейчас привезут. Вы, пока, собирайте кровати. Удобства, туалет и рукомойник, на улице. Воду будете брать из колонки во дворе. Я пришлю тётю Шуру, она сделает уборку, вымоет окна. Таак! Теперь по питанию: у нас есть столовая, обеды дешёвые, есть комплексные. Питание трёхразовое. На время уборочной столовая работает с восьми утра до девяти вечера. Нам нужно решить, как вы будете оплачивать питание: либо вы рассчитываетесь сами, либо платить не будете, а мы потом вычтем стоимость питания из зарплаты. Старший составит список и передаст мне. По оплате: оплата повременная, то есть у вас будут оклады. Семичасовой рабочий день, шестидневная рабочая неделя. Получается 42-х часовая рабочая неделя. Два часа оплачиваются, как сверхурочные.

— А магазин есть?

— Магазин есть.

— А баня?

— Баня работает в субботу. У местных свои. Поэтому ходят, в основном, командировочные.

Таак! Ну вот, Гена привёз постельное. Сегодня обустроивайтесь, отдохайте, а завтра, к девяти, в правление: распределим по участкам. Правление рядом со столовой. Вопросы?

— Мы не нашли выключателя на первом этаже.

— Пришлю Васю, он всё проверит.

— Ещё вопросы?

— А мы сами можем вскипятить воду на чай или кофе? — спросила Любаха.

— По-моему там есть плитка. Но не знаю, рабочая или нет.

— Ещё что?

— Нам нужны замки на двери, мы ведь будем уходить.

— Да, замки нужны. Я Васе скажу, он принесёт. Сколько нужно замков?

— Три! — ответила Любаха — Два нам и один на входную дверь.

— Хорошо. Ещё вопросы?

— Больше нет вопросов? Тогда жду список по столовой — и директор ушёл

...

На втором этаже была небольшая гостиная, служившая кухней. В углу стоял деревянный стол и на столе электроплитка. Под столом стояло оцинкованное ведро. Ещё была тумбочка, и на ней стоял оцинкованный бачок с крышкой и краником. На крышке стояла перевернутая кружка.

Помимо входной, в гостиной было ещё две двери. За одной была небольшая комната и на полу сложены спальные от металлических кроватей. У стены стояли спинки. За другой дверью комната раза в два больше и в ней ещё одна дверь в комнату, подобную первой.

Окна, по одному, были в каждой комнате. Стекло в окнах было грязное, запылённое. Пол не мыли лет сто.

— Мы будем в этой комнате, вы в этой, а там будет шоферня! — Любаха уже всё осмотрела и всё решила.

Сложив рюкзаки, стали таскать кровати, собирать и расставлять.

Пришла тётя Шура с ведром, шваброй и тряпкой. Поздоровалась и попросила, чтобы ей принесли воды из колонки.

За водой Георгий ходил сам.

— Вы как хотите, а мы пошли в столовую! — Любаха стояла в дверях.

— Наверное, кому-то надо остаться? — сказал Валера.

— Идите, идите! Мы с Жориком останемся. Я пока плитку проверю.

И Вадим пошёл на кухню.

Плитка работала, но только на первом, самом слабом режиме.

— Эх, жаль отвёртки нету!

— Да у шоферни инструмент есть.

— Точно!

Георгий заглянул в бачок: он был чистый, но пустой.

Взял ведро и пошёл на улицу к колонке.

Сполоснул ведро и натаскал воды в бачок. Потом налил воды в ручкомойник.

— Здравствуйте!

Георгий обернулся.

— Вы старший? — худой, высокий и в куртке, болтающейся, как на вешалке, мужчина, лет сорока пяти, с сумкой через плечо, прищурив глаза, смотрел на Георгия.

— А вы?

— Василий! — мужчина улыбнулся и протянул руку.

— Вот замки! — он выложил на стол три амбарных замка в упаковке. Ключи там, внутри.

Петли на дверях есть?

Петли были.

— Где не работает выключатель?

— Внизу.

— Щас посмотрим.

Минут через пять он вернулся — Всё! Проверять будете?

Георгий спустился вместе с ним.

— Да будет свет (!), сказал монтер, и сам обрезал провода! — Василий щёлкнул выключателем.

Загорелась лампочка под потолком.

Василий выключил свет — Я пошёл? — и насвистывая — Не кочегары мы не плотники, но сожалений горьких нет... « — ушёл.

...

Минут через сорок пришли из столовой Таня и Алла.

— Они пошли в магазин — Алла подошла к Георгию — Сходите покушайте. Там и правда недорого.

В столовой было тепло, чисто и пахло жареной картошкой.

Просторный светлый зал с деревянным полом, выкрашенным тёмно-коричневой масляной краской, бликующей от солнечных лучей. Четыре алюминиевых стола, с четырьмя стульями на каждый.

Обед обошёлся Георгию в сорок копеек, а Вадим пообедал на сорок две копейки.

Возле гостиницы стояло четыре грузовика.

— О! Ребята приехали. Щас попросим у них отвёртку и посмотрим плитку — обрадовался Вадим.

Водителей было четверо: Андрей, Иван, Костя и Сандро.

Вадим чинил плитку.

Шофёры ушли в столовую.

Девушки закрылись в комнате.

Виталий, Вова и Валера лежали на своих кроватях.

Георгий вышел на улицу.

Денёк выдался тихий, ясный. Было тепло и он снял куртку.

Деревня состояла из одной улицы, тянувшейся вдоль дороги и повторяющей её изгибы. Ещё с десяток домов стояли вразброс, с огороженными участками. Деревня, вместе с выгонами для скота, была обнесена изгородью, в которой Георгий рассмотрел проломы. По всему периметру поскотины, почти вплотную к изгороди, стеной стоял лес и только на западной стороне он редел, расступаясь. Там была дорога на ток и виднелась крыша зерносушилки.

На выгонах не было коров. Значит деревенское стадо паслось где-то на пастбище или по стерне полей.

— «Боже, как хорошо сейчас в лесу, ни комаров, ни мух... грибы»

И захотелось уйти в лес, забуриться в глухомань, выискивая в траве бугорочки выпирающих из-под земли шляпок груздей, высматривая на полянках подберёзовики и обшаривать

глазами траву вокруг пеньков с затаившимися опятами.

...

— Надо скинуться по рублю и купить чайник, чай и сахар. Вечером будем пить чай.

— А я люблю с молоком.

— Молоко можно брать у деревенских.

— Лучше брать в столовой.

— Давайте решим со столовой! — вмешался Георгий.

— А чё решать! Платить самим! А то они насчитают.

— Все за?

— Все! — подвела итог Любаха.

Люба собрала деньги — Мужчины, кто со мной пойдёт в магазин? Начальник?

— Я схожу! — встал с кровати Валера и стал обуваться.

— Я тоже! — сказал Виталий.

Георгий лёг на кровать и сразу провалился в сон.

...

В шесть часов сходили, также, двумя группами, на ужин.

Водители, устав с дороги, спали в своей комнате.

Плитку Вадим починил, и они поставили воду в чайнике.

Когда чайник вскипел, выяснилось, что заварить чай не в чем!

— Надо было купить заварочник! — спохватилась Люба.

— Заварочник купим завтра. А сегодня заварим прямо в чайнике — предложил Валера.

— А сколько ложек сыпать? — спросила Люба, обращаясь ко всем сразу.

— На каждого по одной чайной ложке — предложил Валера.

— Мне четыре, я люблю крепкий! — сказал Вова.

— Давайте так, заварим восемь ложек и разольём чай по кружкам. А Вова, потом, добавит ещё три ложки в чайник — снова предложил Валера.

Вова согласился.

...

В восьмом часу вечера стало смеркаться.

Зашёл Андрей и спросил — Мужики, можно в вашем чайнике воду согреть? А может у вас и чай есть? — он улыбался.

— Да грейте! Воды не жалко. А заварку потом вернёте. Две пачки! — посмеиваясь, говорил Вадим, подавая Андрею пачку тридцать шестого.

Из своей комнаты вышли девушки и Алла.

— Мы в туалет. Начальник, ты нас будешь сопровождать?

— А можно я? — поднял руку Вадим.

— Нет! Мы доверяем только начальнику. Уже проверен — Люба и Алла улыбались.

Туалет был за сараем.

Георгий стоял у сарая, а женщины, по очереди, сходили в туалет.

— Надо хлорки попросить, ну и вонища! Начальник, а ты не пойдёшь? Мы подальше отойдём — у Любахи было игривое настроение.

Он ходил в туалет.

Вместе подошли к рукомойнику и ополоснули руки. Когда подошли к дому, Алла остановилась — Я постою на улице... ты побудешь со мной?

Люба и Таня зашли в дом.

Алла взяла его под руку — Давай пройдемся...

— Я тебя несколько раз видела в институте.

— Где?

— Во второй лаборатории, когда ты работал в бригаде у Михальчука. Мы два раза делали изоляцию воздухопроводов на вашем участке.

— Я тебя не видел

— Мы с Катей работали в трубе, а снаружи была Люся.

Люсю, Георгий запомнил.

— Это та Люся, что матерится, как сапожник?!

— Ну да, грубоватая. Но ругается только по делу.

— Не знаю, как по делу? Но мастера, как-то раз, крыла отборным матом!

— Это, наверное, в тот раз, когда мы без герметика целый час просидели. Мы даже вздремнули с Катериной в трубе. Работали мы в комбинезонах и с намордниками, так что, если бы даже и увидел меня в трубе, не узнал бы!

Было прохладно и Алла, одетая в курточку и джинсы, жалась к Георгию.

— А потом тебя перевели. Я спросила у мужиков из бригады, а они — Влюбилась, что ли, Алла?

— Ну и влюбилась! Вам то, что за дело?

— Меня перевели в десятую лабу, инженером. Я уже на пятом курсе учился.

...

После армии он устроился в НИИ, в бригаду слесарей-монтажников.

Работал, а учился на вечернем.

Здесь познакомился и подружился со Славкой.

Оба недавно отслужили в армии. Оба деревенские. И учились в одном институте. Только Славка на заочном. Даже жили в одной комнате, в общежитии. Правда, Славка, из института уволился и ушёл в шабашники.

...

— Вот мне Коля и сказал.

Георгий усмехнулся, вспомнив Николая.

— Да, балагур. Он всегда нас смешил, когда помогал нам — Алла тоже улыбалась.

— Это он рассказал нам анекдот про онежское озеро. Ой! Мы с Катюхой смеялись... до слёз!

— Ты не слышал? Он не рассказывал?

Коля рассказывал. Но Георгию хотелось послушать, как расскажет Алла, и он ответил — Нет. И Алла рассказала, делая нажим на о — Однажды, обходя окрестности Онежского озера, отец Онуфрий обнаружил обнажённую Ольгу. Отдайся Ольга, озолочу! Обнажённая Ольга отказала отцу Онуфрию. Отдайся Ольга, озолочу!! Обнажённая Ольга отказала отцу Онуфрию. Отдайся Ольга, озолочу!!! Обнажённая Ольга отдалась отцу Онуфрию. Отец Онуфрий обманул Ольгу. Ольга откусила отцу Онуфрию окаянный отросток.

Алла засмеялась, представляя, как Ольга откусывает окаянный отросток.

Георгий улыбался.

— Ты даже не засмеялся! Ой! А мы, простушки, хохотали...

— Я Колю раз рассмешил. Он несколько дней не мог успокоиться

Георгий усмехнулся, вспоминая.

— Колю легко рассмешить, но чтоб несколько дней? А что ты ему рассказал?

Георгий уже понял, что говорить об этом не стоило.

Это частушка: грубая, матерная — он надеялся, что Алла не будет настаивать.

— Ты? Рассказывал матерную частушку? — её удивление не было наигранным.

— Ты расскажешь её мне?! Интересно, как ты материсься? Я даже представить не могу — Алла остановилась.

— Мне казалось, ты такой невинный, чистый: стесняешься, краснеешь.

— Нет, правда? — она смотрела прямо в глаза.

— Я в армии эту частушку услышал. Не такой уж я и невинный.

— А сколько тебе лет?

— Двадцать пять... скоро будет.

— А мне скоро сорок... мальчишка!

— Ну рассказывай свою похабную частушку!

— Алла, это не моя частушка...

— Рассказывай!

— Шёл я лесом-просекой, нашёл... пизду с волосиком, волос сбрил, а кунку съел, только секиль захрустел...

— Он, чё съел?

— Секиль... ну... клитор

— Фууу! — она замахала рукой — Фуу, какая гадость! Меня сейчас стошнит...

Георгий вспомнил, что было с Колей, когда он пропел ему частушку.

Это был второй рабочий день в бригаде, когда он, после армии, устроился в институт.

Сидели в курилке, в перерыв.

— Ну дембеля, расскажите что-нибудь смешное из армейской жизни! Анекдот какой-нибудь?!

Коля смотрел на Славку и Георгия

— Я люблю смешные истории!

— Есть частушка — вспомнил Георгий.

Её пел под гитару один из дембелей, родом из Карелии.

— Давай частушку! — согласился Коля, уже улыбаясь.

— Шёл я лесом-просекой,

Нашёл пизду с волосиком,

Волос сбрил, а кунку съел,

Только секиль захрустел!

Не успел Георгий договорить последнюю строчку, Колька покотился со смеху, хватаясь за живот.

Георгий смеялся, глядя, как смеётся Колька.

Остальные, в курилке, тоже смеялись, заразившись Колькиным смехом.

Просмеявшись, отдышавшись, и протерев глаза, Колька, с кривящимися губами, готовый вот-вот снова закатиться, проговорил — Ну-ка ещё раз! Как там? — и начал первую строчку.

Вторую проговорил Георгий, а третью и четвёртую, по памяти, Колька. Но в последней строчке смог выговорить только — Только сек... — и снова закатился, зажимая живот!

Остаток перекура, он несколько раз пытался проговорить частушку полностью, но так и не смог, каждый раз закатываясь хохотом и хватаясь за живот.

И весь остаток смены (!), встретив Георгия, Колька останавливался, его колени подкашивались, губы кривились и, вытягивая правую руку, он начинал хохотать!

...

— Тебе не идёт материться. Ты не такой: не мужлан.

Георгий вспомнил, как напрягалось всё нутро, когда он слышал матерную речь на улице. Тогда ему было семнадцать лет.

— Пойдём в дом. Я замёрзла и спать хочу.

Алла, прижимаясь к Георгию, подтолкнула его к гостинице.

Глава пятая. День второй (вторник)

Ночью в деревне тишина. Даже собак не слышно. Петухи пели, но в гостинице с петухами никто не встал.

Бабе Варе не спалось.

Год назад она схоронила Фёдора и осталась одна. Детей у них не было, не дал Бог. Корову пришлось продать, одной уже не управиться. В придачу продала и сено, а вырученные деньги отложила на чёрный день. Что за чёрный день такой, она не знала. Но так все говорили, вот и она подумала об этом, когда, завернув стопку сторублёвок в целлофан, сунула свёрток в сундук.

Пропел первый петух, ему откликнулся другой. Третьего она не услышала. Видимо пел где-то на другом конце деревни.

Баба Варя вздохнула; когда была Марта, она вставала, одевалась и готовилась к дойке. Прошёл уж год почти, как продала Марту, а привычка, просыпаться с первыми петухами, осталась.

Сон не шёл, и она встала, оделась и заправила кровать. Подушки взбила и положила в изголовье одну на другую.

Спать с одной подушкой она не смогла: снился покойный муж с подушкой в руках. Он перестал сниться, когда она догадалась вернуть его подушку, убранную в сундук, на место.

Баба Варя прошла на кухню и, нащупав левой рукой выключатель на стене, включила свет. Васька недовольно мыркнул, потянулся и ушёл, пошатываясь, в темноту комнаты досматривать сны про мышей.

Она включила плитку и, набрав из ведра воды в чайник, поставила греть. Выйдя в сени взяла помойное ведро, в которое ходила ночью, вынесла к туалету и выплеснула на траву. Из бочки зачерпнула немного воды, и сполоснув ведро, поставила его вверх дном рядом с бочкой.

У соседей в сарае горела лампочка, брэнчало ведро и слышался ласковый голос Натальи — Ну, Пеструшка! Девочка моя, стой на месте, ведро опрокинешь! Ну, хорошая моя, немножко ещё потерпи!

И вжикали, и вспенивались струи парного молока, звонко ударяясь в дно и стенки ведра.

На востоке небо начинало бледнеть, а на западе было чёрным и усыпано звёздами.

Наверное, это было красиво, но баба Варя не отделяла красоту природы от самой природы. По тропинке, вдоль забора, шёл рыбак с удилицем на плече.

— Здравствуйте, Варвара Севостьяновна

— Здравствуй, Паша! — по голосу узнала сына Марии.

С Марией она работала в детском саду. Баба Варя работала нянечкой, а Мария поваром.

Мария была младше бабы Вари. Жила без мужа. Единственного сына родила в тридцать лет, нагуляв от одного из приезжих монтажников, тянувших мимо деревни ЛЭП.

Баба Варя зашла в летнюю кухню, растопила печурку и поставила в кастрюле картошку. Вчера накопала свежей на огороде.

И летнюю кухню, и баньку, и сарай Фёдор построил сам.

В сарае остались только куры. Баньку она не топила, ходила по субботам в совхозную.

Вернувшись в дом, сняла чайник с плитки и, выключив ее, заварила чай. Снова вышла во двор, и зайдя в летнюю кухню, приоткрыла крышку на кастрюле с картошкой. Потыкав картошку ножом, сдвинула кастрюлю к краю и закрыла крышку.

— Баб Варь, возьмите молоко! — соседка Наталья стояла у забора, разделявшего дворы, с банкой молока.

Баба Варя вышла из кухни и забрала молоко.

— Подожди, сейчас деньги принесу — сказала она Наталье и пошла в дом.

— Отдадите потом, баб Варь, не к спеху.

На кухне отлила в кружку немного молока себе на чай и Ваське. Закрыла банку крышкой и убрала молоко в холодильник.

Налила Ваське молока в миску и села пить чай.

...

Георгий проснулся.

Полежал, прислушиваясь к тишине и сел, спустив ноги на пол.

Виталия не было, остальные спали.

Достал из-под подушки часы — 7: 20.

Одевшись и заправив кровать, взял полотенце и вышел на улицу.

Виталий плюхался у раковины. Ведро, наполненное водой, стояло поодаль.

Они поздоровались.

— Налей воды? — Виталий, вытирая полотенцем лицо и шею, пошёл в дом.

Наполнив раковину и повесив полотенце на гвоздь, вбитый в стенку сарая, Георгий пошёл в туалет.

Дверь в туалете нужно было держать рукой, чтобы не открылась: крючка не было.

— «Даа! Только вдвоём ходить: один сидит на очке, другой дверь подпирает. Надо будет крючок сделать».

Сполоснув лицо и руки, вернулся в гостиницу.

Виталий лежал на заправленной кровати, остальные спали.

— Ну чё, надо будить? — Георгий взглянул на Виталия, тот кивнул.

— Подъём!

В дверь из женской комнаты постучали, и она чуть приоткрылась — Мужчины, вы одетые? Можно выйти?

— Выходите, мы не стесняемся — Вова сидел на кровати, прикрывшись одеялом.

Дверь ещё приоткрылась и выглянула Любаха.

— Ой, да они ещё дрыхнут! Пойдёмте девчонки.

Девушки и Алла, поздоровавшись, ушли на улицу.

Заскрипели пружины и, один за другим, все встали и, одеваясь, стали заправлять кровати.

Соседи водители тоже встали.

Заглянул Андрей — Здорово мужики! Я чайник поставлю?

— Ставь! — ответил за всех Вадим — Мы в столовку.

— Мы вчера уже наряды получили, щас чай попьём и по коням. Вечером отдадим вам пачку

чая.

— Две! — улыбнулся Вадим и тут же добавил — Шучу.

Вернулись женщины.

— Очко засрано! Рукомойник пустой! Начальник, мы всё время будем мыться ледяной водой?

— Любаха с возмущением смотрела на Георгия.

— У них, у всех, бани! Совхозную топят только по субботам! Мы чё, всю неделю будем грязные ходить?! Ни подмыться! — извините — Ни ноги помыть! Нам чё, в чайнике воду греть и с кружечкой бегать в туалет?

— А я могу полить водичку! — Вова захохотал.

— Не смешно! — Любаха покраснела, глаза сверкнули за линзами очков.

— Вова! — Георгий, сдерживая улыбку, и выказывая озабоченность, взглянул на Володю.

— А я чё? Я же пошутил! — примирительно буркнул Вова.

— Плоские шуточки!! — гневно бросила Любаха, и ушла в комнату.

...

В столовой позавтракали в 8: 25, и в 8: 35 были в правлении.

Правление — серый, одноэтажный бревенчатый дом, с невысоким потолком. Виталий чуть ли не задевал потолок макушкой.

Директор в своём кабинете уже ждал их.

— Командировочные сейчас отдадим в бухгалтерию — сказал он и, открыв дверь в коридор, позвал — Тоня, зайди!

— Зашла молодая, полноватая женщина, с ярко накрашенными губами, в красном, с глубоким декольте, платье.

Виталий, с высоты своего роста, увидел пышную грудь женщины и, с улыбкой, отвёл глаза.

— Тоня, оформи! — директор передал ей бумаги.

— Рассаживайтесь! — директор указал на стулья вдоль стен — Сейчас...

В дверь постучали и сразу же открыли.

— Заходи дядь Гриш, а где Раиса Максимовна?

— Она, енти, наряды Тоньке понесла.

Дядя Гриша поздоровался, окинув взглядом городских.

— Садись, дядь Гриш

— Да я, Валер, уж насиделся с утра, с мужиками-то! — и дядя Гриша сел.

— Можна? — в кабинет, без стука, вошла женщина.

Лицом, молодая, но с обветренной, с бордовым румянцем, кожей. Росту выше среднего, в куртке, в длинной юбке и кирзовых сапогах. На голове повязан платок, отчего она казалась ещё выше. Женщина не была худоцава, но выглядела немного угловатой. Её нельзя было назвать даже симпатичной, если бы не глаза: тёмно-карие, живые, пронизательные и волевые, они придавали Раисе Максимовне неповторимый шарм, и притягивали мужской взгляд.

Поздоровавшись и увидев Вову, улынулась ему.

— Садись Раиса Максимовна! Сейчас будем распределять работников! — Дядь Гриш, тебе сколько нужно рабочих рук?

— Да давай троих! Плотничать-то немало надо будет!

— Есть желающие поработать плотниками?

— Мы! — Вадим и Валера подняли руки.

— Ну, и я! — подал голос Виталий.

— Хорошо. Дядь Гриш, обеспечь инструментом, гвоздями, материалом. Сначала нужно залатать дыры в поскотине, а уже потом в коровник. Да, и табель веди!

— Вову к Ерофеичу? — директор смотрел на Раису Максимовну.

— Да, Ерофеич уже ждёт.

— Девушки! — директор улыбнулся — На ток, в подчинение Раисе Максимовне.

— А вы? — он обратился к Георгию...

— Тоже ко мне! — Раиса Максимовна встала — На току нужен слесарь. Транспортёры смазывать и ремонтировать. Владимиру Ивановичу поможет, ежели что, и девушкам лопатить.

— Ну вот, все при деле. Вы список в столовую составили?

— Да мы решили сами платить за обеды.

— Хорошо. Вопросы появились?

— В туалете нет крючка, дверь не закрывается.

— Дядь Гриш! Сделайте в первую очередь крючок в туалете.

— А баню можно топить ещё раз на неделе? Нам нужна будет горячая вода, постираться и... не только! — Люба встала.

— Я переговорю с дядей Сашей. Думаю, решим. Вечером подойдёте ко мне. Мой дом через дорогу. Больше нет вопросов? Тогда за работу.

...

Вадим, Валера и Виталий ушли с дядей Гришей на пилораму.

Раиса Максимовна завскладами и током.

Её кабинетом была комната весовой: два стола — один у окошечка, а другой у стены в углу. Сев за стол в углу, она открыла разлинованную тетрадь и записала всех, проставив дату и время.

Рассказав о технике безопасности, заставила расписаться.

— Всё! Вова, иди! Ерофеич заждался.

— Ты меня помощником мастера записала?

— Да, Вова! Да!

— Сверхурочные, Раиса, не забывай проставлять! — и напевая — Гоп-стоп Зоя, кому давала стоя? — вышел из весовой.

Ерофеич работал мастером на зерносушилке и Вова обрадовался. И потому, что появился помощник, и потому, что Вова с ним уже работал два года назад.

— Вова! Слазь-ка, проверь ремень на второй нории! Чё то она ххерово тянет! — сразу же озадачил Ерофеич.

...

Девушек, Раиса, определила разнорабочими.

Вместе с Машей, из местных, они должны были ворошить зерновые в кучах под открытым небом. Не перелопачивать, а только подгрести к транспортёру, перемещающему кучи зерна с одного места на другое.

Георгия записала слесарем.

В обязанности входило: передвигать транспортёры, смазывать и ремонтировать, и вместе с девушками лопатить зерно.

Маша дёргала транспортёр.

— Что случилось, Маша? — Раиса, с нескрываемым любопытством, смотрела на Аллу, стоявшую рядом с Георгием.

— Я не могу повернуть хобот!

— Ну вот! Георгий Владимирович! — Раиса отвела взгляд от Аллы — Надо сделать.

— А ключи?

— Ключи есть! — Маша ткнула лопатой в синий ящик, закреплённый на раме транспортёра.

— Если нужны будут ещё ключи, можно взять у Владимира Ивановича! — Раиса повела глазами в сторону невысокого строения из кирпича в полтора этажа.

— Ну, чего тебе? — Раиса оставила их и пошла к мужчине, маячившему невдалеке.

...

Поломки не было! Камешек заклинил поворотную платформу хобота.

Через час Любаха заявила — Перекур, начальник! — и приставив к транспортёру лопату, развязала и сняла с головы платок.

День был солнечный. Даже припекало. Но восточный ветерок тянул с прохладой.

Таня и Люба сели в траву за стеной склада.

Георгий стоял рядом с Аллой.

Маша ушла в весовую.

— Начальник! — Любаха, прищурившись на солнце, смотрела на него снизу — Наша Раиска на тебя глаз положила!

Георгий смутился.

— Я тоже заметила! — Алла смотрела на Георгия и улыбалась.

— Да с чего вы взяли?! Она поди замужем. Тот мужик, что маячил, наверное, муж ейный!

— Не-а! — грызя травинку, мотнула головой Любаха — Не муж. Или не ейный.

— Да откуда ты знаешь-то?!

— Я прочла фамилии в её тетради. Там девять человек, вместе с нами. У Раиски фамилия — Горбачёва, а у мужика этого — Титаренко! Не муж он, ейный.

Георгий обводил взглядом двор тока.

— Туалет там! — махнула рукой в сторону грохочущей зерносушилки Любаха.

Наблюдательность Любахи поражала.

— Да иди, начальник! Не стесняйся! — из-под руки, с улыбкой, бросила Любаха.

— Я тоже!

Алла пошла следом.

Туалет весь перекошен и в дырах, как после бомбёжки! Дверь висела, скособочившись, на одной петле.

Алла потянула дверь, и зайдя внутрь, и повернувшись, попросила — Помоги закрыть.

Когда дверь закрылась, Алла, замкнув её на крючок, сказала — Отойди и отвернись.

Он мог и не отходить: грохот элеватора глушил все другие звуки.

— Я всё! — Алла стояла рядом, поправляя волосы — Ты сам! Я пойду.

Внутри было ещё хуже: засраны даже стены!

Брезгливо морщась, и тщательно обтерев руки об штанины, Георгий расстегнул ширинку, и приспустив брюки, и оттянув плавки, вызволил член, не касаясь руками. Ссал долго, с наслаждением, закрыв глаза.

Из туалета вышел с мыслью, что больше в него не зайдёт!

...

После обеда подошла Раиса.

— Георгий Владимирович! Вы в электрике разбираетесь?

— Разбираюсь. Что-то сломалось?

— Да есть у нас ворошитель роторный, совсем новый и работает. Но наоборот!

— Как это наоборот?

— Да сейчас посмотрите!

Вытащив из кармана куртки связку ключей, она направилась к складу.

В просторном и сумрачном складе, две кучи зерна разделены проходом. Пахнет пылью и хлебом.

Раиса включила освещение. Но с улицы света было больше, чем от ламп под потолком.

Возле первой кучи зерна стоял небольшой агрегат, тускло поблёскивая жёлтой краской.

— Это ворошитель?

Электрический кабель с обрезиненной розеткой змеился по полу к стене склада.

Ворошитель имел лопату со скребками, загребавшими зерно и проталкивающими его к приёмному лючку вертикального желоба со шнеком. Из верхнего люка желоба зерно должно было высыпаться на небольшой ленточный транспортёр. Транспортёр можно было поворачивать влево-вправо, перемещая, таким образом, зерно из кучи в другое место на полу склада.

Раиса подключила кабель к ворошителю и нажала синюю кнопку на панели. Ворошитель загудел и задвигались скребки. Раиса подтолкнула агрегат к куче, и он стал загребать зерно. Но из верхнего лючка, зерно на ленту транспортёра не высыпалось, хотя слышно было: ротор вращается.

Раиса выключила агрегат красной кнопкой и посмотрела на Георгия.

Георгий выдернул розетку и откатил ворошитель поближе к дверям. Снял крышку, закрывающую привод шнека. Трансформатор и блок выпрямителя. Двигатель постоянного тока.

— Электрика у вас нет?

— Есть

— Он смотрел?

Раиса пожала плечами — Смотрел. Сказал, что не разбирается.

— Нужен ключ на двенадцать или пассатижи.

Георгий вышел на улицу и пошёл к транспортёру. Открыв инструментальный ящичек, нашёл в нём пассатижи и вернулся в склад.

На клеммной колодке двигателя открутил гайки фазовых контактов и перебросил фазы. Наживулил гайками. Подключил кабель. Немножко помедлил и нажал кнопку.

Из верхнего, выходного лючка желоба шнека посыпалось зерно на ленту транспортёра.

— Ну вот и всё! — и нажал красную кнопку.

Починка заняла не больше четверти часа.

Раиса смотрела на Георгия, как на волшебника. И глаза у неё блестели.

...

Рабочий день закончился в пять часов и они, попрощавшись с Машей, пошли в гостиницу.

Плотники: Виталий, Вадим и Валера уже были здесь.

— А мы вас ждём, чтобы вместе сходить на ужин! — Вадим сел на кровати.

— А где Вова? — спросил Виталий.

— Он придёт позже, работает на сушилке. А там работа до темноты.

Из своей комнаты вышли девушки и Алла

— Мы готовы, мальчики. Начальник, а ты чё не переодеваешься?

— Так пойду. Переоденусь потом.

Георгий стоял на улице возле столовой и ждал остальных.

Вышли Люба, Таня и Алла, за ними Валера и Вадим, последним вышел Виталий.

— Мы, с начальником, пойдём к директору, узнаем про баню, а вы! — Любаха смотрела на Вадима и Виталия — Купите в магазине заварочник.

— Начальник, а почему я всё время команду? — Любаха смотрела на Георгия сквозь линзы очков, на губах играла улыбка.

— Я тоже с вами! — Таня шагнула к Любе, подхватив её под руку.

— А я пойду отдохну! — Алла повернулась и пошла к общежитию.

Полчаса назад прошло деревенское стадо.

Было тихо, не лаяли собаки и только со стороны тока доносило шум элеватора. Солнце спряталось за верхушки деревьев и сумерки расползались, поглощая тени.

Во дворе бегала лайка, и увидев подошедших, насторожилась, остановившись посреди двора. На веранде горел свет. Входная дверь была открыта.

Из стайки вышла женщина с подойником в левой руке и, направившись к летней кухне, увидела Георгия и девушек, стоявших у калитки.

— Здравствуйте! А мы к Валерию Тимофеевичу! — Любаха растянула рот в улыбке и помахала рукой

— Начальник. С директором ты будешь говорить — вполголоса добавила она.

Женщина поставила ведро и, закрыв дверь летней кухни, зашла в дом.

Через минуту вышел директор и подошёл к калитке.

— Я договорился с дядей Сашей. Он будет топить в среду. Вода в баке остывает медленно и до пятницы вам хватит. А в субботу он топит баню и той воды вам хватит до следующего раза.

Так что в баню можете ходить каждый день, вечером, после работы. И сейчас можете сходить!

— он протянул Георгию ключ — Ключ будет у вас. Это второй от замка.

— Ой, Валерий Тимофеевич, спасибо! — Любаха ткнула Георгия в бок.

— И ещё. Я поговорил с бабой Варей. Она живёт одна, её дом второй за магазином. Она согласна взять девушек к себе. Можете переезжать прямо сейчас или завтра, после работы.

Любаха запрыгала, не сдерживая восторга, Татьяна улыбалась.

— Переедем завтра, начальник! А сейчас в баню! У меня такое ощущение, как будто я год не мылась! — Любаха чуть ли не бежала.

Бане все обрадовались, а переезду девушек на квартиру слегка огорчились.

— Будете ходить к нам в гости, мальчики! А мы будем поить вас чаем из самовара! — Любаха тараторила, собираясь в баню.

— Я готова! Начальник, а ты мне спинку потрёшь?

— А можно, я? — Вадим, с заискивающе-похотливой улыбкой, смотрел на Любаху.

— Мне Таня потрёт, я пошутила! — отрезала Любаха.

— Куда это вы? — они не слышали, как зашёл Вова.

— Ого! А ты стал похож на мельника! А мы, в баню! — ответил за всех Валера.

Вова, покрытый серым налётом, казался поседевшим и действительно смахивал на мельника.

— Меня подождите!